

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-2-48-56

«Жизнь — это Светлынь» (М.В. Панов как редактор журналов «ГротекСный Многопотам» и «ТраНвай 13»)

Е.М. Калло,

Международный Языковой центр «Language Link»

E-mail: ekallo@language-link.ru;

А.Г. Лилеева,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: anna.lileeva2017@yandex.ru

Статья является продолжением статьи «Даешь журнал — игра ура!», опубликованной в № 1 (5) / 2021 «Профессорского журнала. Серия: Русский язык и литература». В статье представлены воспоминания о М.В. Панове его учеников, расшифровки записей разговоров с М.В. Пановым, а также — материалы из домашних журналов «ГротекСный Многопотам» и «ТраНвай 13», которые создавались в 1985 — 1998 гг. по инициативе М.В. Панова.

Ключевые слова: домашний журнал, воспоминания, публикация записей бесед и материалов.

М.В. Панов был отважный человек и в науке, и в жизни, обладая смелостью предельной интеллектуальной честности. М.В. Панов имел безупречный вкус и необозримый эстетический кругозор. Дома у Михаила Викторовича собирались поэты, литературоведы, лингвисты. Это были необыкновенные и незабываемые беседы с учителем и другом в доме, где царствовали книги и где всегда говорили о поэзии, лингвистике и об учителях Михаила Викторовича, создателях и продолжателях Московской Лингвистической Фортунатовской школы. В его доме создавались и выпускались веселые серьезные домашние журналы и Альманахи.

После того, как М.В. Панову в начале 1978 года пришлось покинуть Институт русского языка В.В. Виноградова, Михаил Викторович, его друзья и коллеги создали домашний научный семинар «Дятел». На заседаниях этого семинара обсуждались серьезные лингвисти-

ческие проблемы. Михаил Викторович сразу предложил площадку для проведения собраний семинара — свой дом. Этим научным заседаниям была придана игровая обрядность. Михаил Викторович очень любил «серьезность перебивать несерьезностью». Элемент игры всегда присутствовал во всем, что бы М.В. Панов ни затевал. Результатом стал и домашний лингвистический журнал «Дятел», в котором уровень интеллектуальной игры был неразрывно связан с научным потенциалом самих «играющих»¹.

А в 80-90-ые годы ученики М.В. Панова, сначала студенты филологического факультета МГУ имени М.В. Ломо-

¹ О научном семинаре и журнале «Дятел» было интересное сообщение М.Л. Каленчук на чтениях, посвященных 95-летию со дня рождения М.В. Панова (Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова, 1 декабря 2015 года).

Биомеханика

носова, а потом выпускники, вместе со своим учителем создавали журнал-альманах «Гротескный Многопотам», а затем «Транвай 13».

Важной отличительной чертой поэтики журнала-альманаха было разнообразие материалов, «сочетание несочетаемого».

В них публиковались шуточные стихи в стиле А. Кручёных, В. Хлебникова, раннего В. Маяковского и ОБЭРИУТов, рассказы участников этих поэтических чаепитий и, конечно, записи бесед с учителем.

Кабинет редактора — комната М.В. Панова

Мы «выпускали» журналы дома у Михаила Викторовича. А наш редактор и учитель, М.В. Панов, жил тогда на

М.В. Панов

Открытом шоссе, в доме № 21. Ехать к нему надо было на трамвае № 13 от метро «Преображенская» до предпоследней остановки, следующая остановка — лес, где мы весной гуляли вместе с Михаилом Викторовичем всем «редакторским» коллективом. Сохранилась записка: «Все ушли в лес». Когда мы ждали трамвай вот уже минут двадцать и вытягивали шеи в надежде разглядеть его железную морду, М.В. Панов шутил: «С этих транвайных лиц можно писать картину «Явление Христа народу».

Жил Михаил Викторович в маленькой двухкомнатной квартирке. Когда-то он жил в этой квартире со своей мамой. После смерти мамы ее комната всегда была наглухо закрыта, но оттуда Михаил Викторович выносил и показывал нам своего детского Мишку, там хранились экземпляры «Энциклопедии юного лингвиста», альбомы по живописи, которые собирала мама, и чемодан с рукописями Михаила Викторовича.

Парадная комната, она же гостиная и кабинет, это было царство книг: книжные полки вдоль всех стен, сверху донизу, книги стоят в один ряд, но к некоторым полкам приделаны перпендикулярные дощечки, и на них тоже — книги. Комната разделена на две части книжным стеллажом, книги — с двух сторон стеллажа, до потолка, а в каждом углу комнаты, а их получалось 10, стопками высятся книги или журналы. Кажется, что каждый свободный сантиметр в квартире был занят книгами, и книги всё наступали и наступали. Они захватили даже кухню: чтобы на кухне открыть холодильник, надо было предварительно отодвинуть стопку книг. Книги были всюду, они были даже в ванной комнате, совмещенной с туалетом. Но Михаил Викторович знал место каждой книги, говорил о книгах, как о своих самых любимых «братишках». Рассказывал, как и откуда книга к нему «пришла». И удивительно, как в этой

вселенной, наполненной ценнейшими книгами, рукописями и письмами, цвели лиловые фиалки в горшках и пахучий пряный с бело-розовыми цветами вьющийся хойи — «восковой плющ». Во второй половине комнаты, за стеллажом, из-за груды книг стыдливо выглядывал диванчик и маленький столик с пишущей машинкой. Напротив окна в «гостиной» стоял стол. Этот стол накрывали для гостей, а когда гостей не было, за этим же столом Михаил Викторович работал. На столе — тоже стопки книг, еще — тетради, вырезки из газет, последние выпуски журналов, конверты. Вокруг стола стояли две табуретки, один стул и одно замечательное старинное кресло. Когда гостей было много, на табуретки укладывалась доска, на ней могло усесться три-четыре человека в зависимости от габаритов визитеров. Сам же Михаил Викторович всегда садился на стопку книг, и никакими словами нельзя было уговорить его поменяться местами с кем-нибудь из молодых людей и пересесть хотя бы на табуретку.

Но всё, что было вокруг, всё, что нас окружало, было важно-неважно: главное — был Михаил Викторович, были его рассказы, журчащая беседа, наш совместный журнал, стихи, шутки и невероятно вкусное угощение: вареная картошка, поджаренная с луком, частич в томате, соленые огурцы-помидорчики из банки, а к чаю — торт абрикотин. И много-много фруктов по сезону.

Говорит Михаил Викторович Панов

Расшифровка записей журнала. Речь М.В. Панова — реплики, высказывания, рассказы, записанные во время наших журнальных встреч в разное время в период с 1986 по 1998 годы. Фрагменты.

Это очень глупо придумано, что все умирают. Не записывайте, я на эту тему трактат напишу (1986, ГротеКсный Многопотам № 1).

В материализме мне не близко то, что человек не оставляет никакого следа. Это полная чушь. Тогда человек ничем не отличается от кучки мусора. У Лосева есть очень смелая мысль — «материализм имеет отношение к трупу» (7 мая 1998 г., ТраНвай 13, последний номер журнала).

Напишите: говорили о королях и капусте. Через месяц попробуем вспомнить, что именно мы об этом говорили.

А вот у этого кольца (пирожное с творогом) самая вкусная дырочка (ГротеКсный Многопотам, № 9).

Уровень Игры связан с общим уровнем культуры.

М.В. Панов: Что есть факт движения науки? Исследование языка — это собирание фактов, или изучение отношений? Факт ли науки словарь? Владимир Даль?

А.С. (Слёзова — Лилеева): Даль сделал Словарь языка литературной ценностью.

М.В. Панов: Я давно хотел написать историю языкознания. Ясно, что я уже не успею. Но я купил тетрадь за 60 копеек.

Очень обидно, если в 21 веке скажут, что вот в 20 веке Панов ничего не понимал. Но ... смутно догадывался. Уж лучше тогда вообще не догадываться (ГротеКсный Многопотам, № 5).

Мне когда-то хотелось прочесть всех сатириков 20-х годов, а главный сатирик — это история. Например, Михаил Кольцов: ездил по загранице и печатал провокационные статьи, смеясь над белой эмиграцией. Потом над ним посмеялась история. Он был «сослан без права переписки», это означало, что его рас-

стреляли. Борис Пильняк после того, как его поколотили за «Красное дерево», стал писать как будто официально, создал цикл «Среди героев нашего времени». Что это, сатира? Впечатление, что это сатира на тех героев, которых считали лицом времени. Наверное, это кто-то понял, поэтому Пильняк так страшно кончил (Гротескный Многопотам, № 10).

А.С.: Михаил Викторович, как вам кажется, какие годы сталинского правления были самыми мрачными?

М.В. Панов: Война была временем – счастливым. Мы делали то, что нужно, что нельзя было не делать. А после войны был доклад Жданова. Я пришел домой – и просто уткнулся в подушку. Время страшно было омерзительное, но, я бы сказал, что 37 год был грязнее.

Ночью человека арестовывали, а утром боялись произнести его имя. Я школьником в 37-ом году летом работал техником-библиотекарем подсобных библиотек. А завотделом комплектования был Рожин, говорят, что он работал с Лениным. Когда арестовали одного из сотрудников, наутро этот Рожин сказал: «Не произносите этого имени, его ночью взяли!» По литературе видно, какое это было время. В послевоенные годы за исключением нападков на Зошенко и Ахматову не было больше ничего. Не было больших писателей, которые бы исчезли. А в 30-е исчезали талантливейшие люди массово. У меня было ощущение гибели мира.

А.С.: А всё-таки? До войны и после войны можно было находиться под обаянием или страхом массовой пропаганды, а как было во время войны?

М.В.: Наша армия отступала от Ростова. Я попал в офицерский резерв с одним агрономом из-под Горького, культурный человек. Он говорит: «И еще придется отступить. Может быть, до Урала. И все-таки они нас не затопчут.

У нас Пушкин был». И я понял, что наши гуманитарные вещи – не пустяк. И я стал ему доверять. Мы с ним говорили про Ивана Катаева «Сердце», «Молоко», Артема Веселого «Россия, кровью умытая» – все эти произведения были под запретом в те годы.

Война. Тяжелые месяцы отступления. Нескончаемым потоком идут наши отступающие войска. Бездорожье. Тащат за собой пушки. Отступают по болотам. Пушки бросают. За это расстреливают. Расстреливали просто, чтобы дисциплину поддержать.

– Почему вы бросили оружие? Можно было идти вот этой дорогой.

– Но, ведь карт не было, – поясняет М.В., – откуда кто знал, что рядом есть дорога, у нас же не было карт. Мы воевали по немецким картам всю войну.

Так вот, отступление. Я только что окончил военное училище. Мне и этому лейтенанту, бывшему агроному, дали приказ – протирать стволы пушек. Командир принес стопку газет:

– Вот ими будете протирать. Только газеты с портретом Сталина откладывайте в сторону. –

М.В. комментирует: Отступление, мы идем и идем на Восток, а он «Только газеты с портретом Сталина откладывайте в сторону». Ну что ж, начали мы протирать. Попадается портрет Сталина. Агроном берет его, разглаживает и как плюнет прямо в физиономию: «Вот тебе, дураку, за то, что руководить не умеешь». Так что к Сталину и пропаганде по-разному относились.

У меня есть замысел, один из 48 моих невоплощенных замыслов, написать семь новелл, «Семь портретов Сталина». Эта история будет одной из новелл.

А вот еще одна. Год 1939. Школа. Перемена. В учительской. Преподаватель физкультуры разворачивает тоненький бутерброд. В те годы бутерброды были очень тоненькие. Бутерброд завернут в газету, на газете портрет

Сталина. Одна из сидящих рядом активисток: «Олег Николаевич, во что это вы бутерброд завернули? Мы должны воспитывать школьников идеологически правильно, а вы? И вот, посмотрите, здесь на портрете два пятнышка!» — Все это слышат. Как-то должны реагировать. Иначе и самим будет плохо.

Профорг: «Олег Николаевич, как же это вы так? Это недостойно советского учителя! Надо собрать собрание!»

Директор школы беспартийный, и поэтому должен доказывать свою правильность с еще большим жаром: «Мы должны собрать собрание и подумать о лице советского учителя — воспитателя душ подрастающего поколения!»

Учитель пришел домой и повесился.

Реакция учителей: «Молодец! Во-первых, жену спас, во-вторых, — детей: теперь они будут воспитываться дома, а не в детприемнике».

Еще вот... Это, правда, не портрет. Но... Говорят, что один из архитекторов предложил Хрущёву поставить памятник культуре личности Сталина — на большом пространстве площади поставить в круг, затылок в затылок, скульптуры Сталина, сотни Сталинов, они в каждом городе стояли. Следующий круг — бюсты Сталина, нос к носу. И так все пространство площади. Хрущев не захотел.

После окончания института я работал в школе. Страшное было время. Все за всеми следили, бесконечные проверки. У нас одна учительница в церковь ходила. Ее прорабатывали на общем собрании. Постановили — учительницу уволить. И проконтролировать всех учителей, а вдруг кто-то тайно дома молится. Назначили комсомольский рейд по домам учителей. А у меня папа был верующий. В доме было много икон. Что делать? Если придут и увидят — меня уволят. Я единственный кормилец в семье. Накормить нужно четверых: мама, папа, я и племянник, сын брата. Брат на

войне погиб. Я говорю папе: «Папа, будет комиссия, нужно на это время снять со стен и спрятать все иконы». Папа отвечает: «Нет, я не могу, тогда я умру!» И я не снял иконы. Но произошло чудо: ко мне никто не пришел». (ГротеКсный Многопотам, № 5)

М.В.: Я вступил в партию во время войны. Мы тогда стояли под городом Белёвым. Зима. 1941 год. Целый месяц мы с моими батарейцами спали на снегу. Это, сестренки, делается так — надо снять шинель, закутаться в нее, надышать, лечь в снег, тогда можно уснуть. Но некоторые не снимали шинель, ложились прямо на снег в шинели, и мерзли. И так месяц боев под Белёвым. Стужа, декабрь. И тут прибегает заполошный ординарец: «Панов (с ударением на «а»), вас вызывают в штаб». Иду, утопаю в снегу, совсем замерз. Прихожу в штаб, а там тепло. Девушка — машинистка что-то печатает, махорочный дым, печка в углу — тепло. Я почти заснул. И тут голос: «Панов вам нужна рекомендация в партию? Сейчас напечатать!» Так было хорошо, уютно, тепло. Пока печатали, я поспал у печки. Получил рекомендацию. А потом бои. До Вены дошли.

А в 71-ом году меня исключили из партии. Было письмо в ЦК о положении в институте русского языка АН СССР после дела Апресяна Ю.Д., который был сразу уволен из института «как не прошедший аттестацию». А на самом деле он был уволен по политическим мотивам — он выступил в защиту А.Д. Синявского, Ю.М. Даниэля, К.И. Бабицкого и других диссидентов. Многие в институте подписали коллективное письмо против инакомыслящих и Апресяна Ю.Д. А я написал свое письмо в ЦК на имя Л.И. Брежнева — «Надо амнистировать Синявского и Даниэля». Тогда мне это прошло. Эти охранители-блустите-

ли партийности — подонки и отбросы — промолчали. Но я продолжал в наших публикациях института печатать несогласных. И тут мне повезло — меня исключили из партии.

Как меня исключали? Был партийный суд.

Я шел на коллегию старых коммунистов в Райком партии и по дороге зашел в букинистический магазин, что находится рядом с метро «Парк культуры». И вдруг я увидел книжку Андрея Белого «Арабески» 1911 года издания «Мусагет». Я так обрадовался, что забыл о комиссии. Я купил эту книжку, спрятал ее в портфель и пошел исключаться в Райком. Они меня поносят, а я думаю, а у меня в портфеле «Арабески»!!! Так счастливо закончилось мое пребывание в партии (смеется) (ТраНвай 13, № 5).

Как интересно составлять библиографию. Прочитал книгу и потянул за ниточку, но, когда устал читать, можно подойти в Ленинской библиотеке к каталожному ящику и всегда найдешь что-нибудь интересное, чего по ниточке никогда бы не нашел. По каталогу я нашел «лубочную литературу», была такая, напиши «за рупь» «Капитанскую дочку», только чтоб с автором не совпадало. И вот пиши, что хочешь. Случайно шлендая по каталогу, я нашел Крылова, не баснописца. Этот Крылов писал с орфографическими ошибками, они указывают на произношение простонародья — икающее произношение (ГротеКсный Многопотам, № 10).

Женщины выше, лучше мужчин! Почему? Во-первых, женщины — это последний акт творения Бога, ее он создал последней, из ребра Адама, когда уже кое-чему научился при конструировании мужчины. Во-вторых, только женщина наделена способностью рожать живую мысль. Тигрица рождает тигренка, но он не умеет думать, лисица ли-

сенка, но он не умеет думать, травинка маленькую травку, но она тоже не умеет думать. И только женщина рождает человека. Человек — это живая мысль. Поэтому женщина лучше, добрее, чувствительнее мужчин.

Боря Скуратов, Андрей Базилевский, Виктор Коллегорский читали свои переводы, Михаил Викторович их комментировал и размышлял о сущности поэтического перевода.

В нашей традиции две струи переводов:

— поэт ищет обогащение своей лирики, переводя другого поэта (Маршак, Твардовский, Левик, Ахматова);

— поэт чувствует себя свободным по отношению к оригиналу (например, переводы Тынянова из Гейне — это очень свободные переводы; Марк Тарловский — хулиганский перевод «Слова о полку Игореве»).

Переводы Пастернака грузинской поэзии обогатили Пастернака, а Маршак в переводах Шекспира перевоплощался в Шекспира. Переводы из Табидзе Евтушенко страшно евтушенковские. Боря Скуратов работает в традициях перевода Маршака и Левика. Для Маршака традиционно служение подлиннику, а Виктор Викторович Коллегорский говорит, «мы с Низами написали неплохое стихотворение». Какая переводческая школа ценнее? В одном случае служение поэту, в другом — стремление обогатить свою поэзию.

<....>

Перевод вводит новые формы «по благу» — это не я, это уже было, это он написал. Вот интересно, почему Жуковский начал переводить? Нужен был романтизм. Интересно написать работу «Перевод как проводник новой школы (нового стиля)». Вот видите, как я всё вам на современный язык перевёл.

Когда говоришь о переводе, первый вопрос — получилось ли русское стихотворение? Хочется ли его читать по-русски? Если нет, перевод не имеет смысла. А второй вопрос — передал ли поэт тот дух, которым проникнут подлинник. Луи Арагон передал дух поэзии Маяковского, хотя перевод сделан белыми стихами. Третий вопрос перевода — передано ли это теми же путями, которые поэт использовал на своём языке. На этот вопрос заранее надо дать ответ — нет. Владимир Лихачев переводил Мольера вольным ямбом, и это было очень хорошо, он был прекрасный переводчик, но ему не повезло. Его нет даже в литературной энциклопедии. Валентин Парнах первым у нас переводил Лорку. Это было замечательно, потом Цветаева, Асеев. Лорке повезло. Существуют и академические переводчики, которые переводят не потому, что поэт близок, а потому, что появилась лакуна: этого поэта еще не переводили, и они добросовестно садятся и переводят (Речь шла об Аверинцеве и его переводах, в частности о переводах Тракля).

Каждый человек в своих вкусах бывает большой врун, сначала не нравилось, потом понравилось. Сейчас мне эти переводы Аверинцева не нравятся. Но, может быть и наоборот — скоро понравятся! — Это хорошая концовка всех высказываний Щербы. Он так кончал все свои выступления-замечания.

Вообще есть разные типы переводчиков: одни идут в перевод, как в лес по грибы: найти там то, чего нет у тебя, например, Заболоцкий. Другие в переводе ищут то, что им близко. Это переводы Маршака (Гротексный Многопотам, № 10).

Солженицын из сосуда людей, которые никогда не уподобляются полностью ни повтору, ни контрасту.

Сейчас существует четыре школы поэзии: «Московская школа», поэты-филологи (для них реальность — культура). К этой школе относятся Коллегорский и Скуратов; «Воздушная школа» (Лена Алексеева, Тоня Симонович...) — у них много пространства, они пытаются уловить, описать неуловимое (воздух...); «Ленинградская школа» (Жданов, Еременко, Паршиков, Лена Шварц) — это школа «метафористов», метафорам тесно, метафора теснится к метафоре, им так же тесно, как в очереди в пивной магазин (Бродский, наверное, близок к этой школе); четвертая школа — школа Андрея Борисовича (Базилевского).

— А в чем ее суть?

Стихи Андрея Борисовича Базилевского — это «реплики» перевода, он работает поверх границ, в стихах есть сила напряжения, есть свобода. Андрей Борисович — лукавит, все его переводы — это его стихи (Гротексный Многопотам № 10).

Живая изгородь из терний...
окошко с видом
на тебя....
там
вниз лицом лежала тень
до черной кости золотая ...
что я хочу под этим небом
за гранью сна,
где смысла нет...

Андрей Базилевский (1957 – 2019)

— Михал Викторович, чем вы сейчас занимаетесь?

М.В.: Пишу диалоги. Очень интересно думать о том, что такое «правда в искусстве», ведь «правда в искусстве» — это совсем не то, что правда в жизни. Вероятно, в искусстве правда противостоит фальши, а не лжи. В «Поднятой целине» дед Шукарь персонаж из сказки, а весь роман — драма нарушения. Для меня дед Шукарь — фальшь.

В искусстве правда — верность художественному единству. Когда появилась «Война и мир» Толстого, историки нашли в ней много исторических неточностей. С точки зрения бытовой — это неправда, но с точки зрения искусства — правда. Существует внутренняя художественная целостность, мы чувствуем, что это из одного камня высечено (ПротеКсный Многопотам, № 11).

Четвероевангелие — это уже свобода. Нам повезло, что мы живем в стране Христианской, а не Магометанской! Бог диктовал Магомету Коран. А у нас писали люди, но Божественно и Вдохновенно. Возможны и разночтения, потому что писали люди! И нет поклонения Букве!

Мы написали коллективный дневник «Мой дневник для тран-н-н-вай-[а]».

... Помню, что был день. По всем календарям — понедельник.

Числа нету, так как считать
разучились.

Но — зима.

Пока есть мандарины, не забудем, какое оно — солнце.

А дождя не предвидится, потому —
темно.

Чуть ли не в полдень уже — темно.

Звенит в ушах,

а я думал — транн-вай!

М.В. добавил: Нужно прибавить хорошего: пусть будет котлета с картошкой и пирожок!

(ТранВай 13, № 9)

Это очень глупо придумано, что все умирают. Жизнь — это «Светлынь». Скоро март, будет солнце! — Радость, ликование, свет и цвет.

Написали два стихотворения про весну (7 мая 1998 год, последний выпуск журнала).

Е.М. Калло

Я не знаю весну!

Солнце то глянет.....

и сразу скроется

небо то веселит, а

то плачет.....

и прячется.

Листочки то выглянут, и не знают,

что делать.....

Там и лето, как у папы Тарковского,

прошло.....

И осень.....

И зима.....

И всё-таки

Я люблю, что не знаю весну.

М.В. Панов

Вы зачемверху плывете, облака?

Кто вас гладит за бока?

Это, видно, ветер.

А потом он в вас залезет.

И ну — внутри — кричать и дрыгать —
драться,

тогда вода-то не удержитсяверху,
давай лить!

Капли мчатся вниз,

на солнце блестят...

Шлеп мне по макушке —

моей макушке прохладно...

Спасибо, облака! Изливайтесь

Вы зачемверху плывете облака?
Кто вас гладит за бока?
Это, видно, ветер.
А потом он в вас залезет.
И ну - внутри - кричать и дрыгать-драться,
тогда вода-то не удержитсяверху,
давай лить!
Капли мчатся вниз,
на солнце блестят...
Шлеп мне по макушке -
моей макушке прохладно...
Спасибо, облака!
Изливайтесь!

Автограф М.В. Панова

Как-то в 1999 году, мы в очередной раз пришли к «Папе Мише» (так мы называли Михаила Викторовича между собой). В этот день он был особенно торжественен и лукав. Он, как и всегда, был элегантен, — в костюме, в белой рубашке и в модном галстуке. На столе лежала новая стопка книг. Михаил Викторович весело сказал нам: «Ныне отпускаеши! — Я сделал всё, что мог! Я сделал главное дело моей жизни! — «Ныне отпускаеши!»!» — и начал радостно подписывать и щедро дарить нам свою только что вышедшую книгу в издательстве «Наука»: «Позиционная морфология русского языка». Эту книгу он писал всю жизнь, она посвящена его

«первому и главному учителю Алексею Михайловичу Сухотину, ученому, педагогу, поэту и мыслителю». Ах, какие надписи сделал нам на этих подарочных книгах Михаил Викторович! Мы незаслуженно входили в его мир, где он в этот же час — «ныне отпускал» всех нас в нашу большую жизнь и окликал нас по именам!

Спасибо, наш дорогой Учитель! И главное, что мы запомнили и что останется с нами и нашими учениками навсегда, — это то, что, «единичный факт перестраивает всю систему». И таким единичным «фактом» в нашей жизни был наш учитель — Михаил Викторович Панов.

«Life is jubilation»

(M.V. Panov as an editor of the magazines «Grotexny Mnogopotam» and «TraNvai 13»)

Elena Kallo,

International Language Center “Language Link”

E-mail: ekallo@languagelink.ru;

Anna Lileeva,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: anna.lileeva2017@yandex.ru

The article is a continuation of the previous one «Give me a magazine — hooray for the game!», published in No 1 (5)/2021 in the «Professorial Journal». The article presents memories of M.V. Panov recorded by his students, transcripts of conversations with Panov, as well as materials from the home magazines «Grotexny Mnogopotam» and «TraNvai 13», which were created in 1985 — 1998 on his initiative.

Key words: home journal, memoirs, publication of records of conversations and materials.